

В родстве с Лениным не состою. Псевдоним: Знаменосец Ира.
Пишу стихи сколько себя помню.

Это гораздо менее пафосно, чем звучит. Я действительно сочиняю всякое с самого раннего детства, но что-то относительно приличное из меня стало выходить только классе в десятом, а читаю на публике я в основном стихи, написанные не раньше второго курса.

Кто научил меня писать: Михаил Иванович Вэй в Школе Поэтического Мастерства "Линии Времени".

Да, до Знакомства с Михаилом Ивановичем я писала невнятную вдохновенную фигню, а он подтянул меня технически и научил правильно относиться к поэзии вообще и к своим стихам в частности.

Почему Знаменосец: я назвалась так потому, что сравнительно много пишу про войну. Эта тема для меня действительно особенная и у меня была даже целая поэтическая программа про это. Я вообще человек идеи, так что образ того, кто, несет и охраняет знамя мне ближе всех остальных.

Участвовала в приличном количестве поэтических конкурсов, выигрывала, получала денежные и неденежные призы. А том числе участвовала в достаточно масштабных мероприятиях с аудиторией в несколько тысяч человек.

Организовывала собственные концерты, чужие тоже организовывала, имею вполне приличный опыт, как выступающего.

Даугава спит. Не буди ее, комиссар.

Мы устали не спать, мы с тобою не спать устали.

Острошпильная Рига, Москва, Сталинград и Таллин

Одинаково сил не имеют для новых свар.

Отпусти меня, отпусти меня, комиссар.

Ну казалось бы, кто же отныне судить посмеет

По лицу, языку, по разрезу и цвету глаз

После этого мрака деления на пигмеев

И арийцев. Но ты посмотри, комиссар, на нас.

Ведь вина моя в том, что я помню, кто я по крови

Ну оставь, ну оставь мне пожалуйста мой народ,

Кто еще назовет эти улицы домом кроме Нас.

Видишь, как сиротливо разбросан порт,

Он - как будто пылинки на жидкой молочной пене

Предрассветных туманов, летящих над Даугавой.

Где твой дом комиссар? Он был в городе? На деревне?

Там ведь ждали, как надо - любим, виноватым, правым...

Для кого-то весь мир - это дом, но найти уют,

Не везде получается. Что б ты сказал мне, зная,

Что твой дом продают, а потом перепродают.

Неужели утешит тебя, что цена большая?

Кто сейчас не устал постоянно держать удар?

Но чужая печаль от твоей тебя не излечит.

аугава спит. Ты бы тоже поспал, комиссар.

А не то разговор обещает продлиться вечно.

Слышишь, я отпускаю тебя. Отпускаю же, комиссар.

За мной не смотрели шинельные полицаи.

Я встала в двенадцать, пока купола мерцали

От нежных лучей декабрьского зенита.

И город чернел чугуном и мерцал гранитом,

Гремел артиллерией. Падали юнкера.
Сегодня все кончено, город вставал вчера
Влекомый великими мыслями, мелкой ложью.
Я встала сегодня в двенадцать, на сером ложе
Остался мужчина с руками-манжетным кружевом.
Мне кто-то сказал - я могу называть его мужем.
За окнами дерево думало, что горит,
Но это расселись бесстыжие снегири.
Я вышла на улицу в красном, как будто в трауре,
Горя от желанья растечься на тротуаре,
А может пытаюсь сражаться с поникшим бытом.
Но что я могу по сравнению с тем, кто был там.

Скажи, ты был там?

Я шла вдоль реки, плача от нестерпимой горечи,
Обиды на то, что теперь мне остаться с прочими,
А вы выбивали свои имена на паперти
Исакия, в приговорах, в народной памяти.
Во имя чего? Вы убили там губернатора,
Стояли каре, и готовили препараты
Из крови и грязи, присягу смешав с конституцией,
И лица гвардейцев, сплошь желтые, как настурции
Не дрогнули, как щебетали во всех газетах.
Но что они могут по правде сказать об этом?
Во имя чего я иду к тебе вдоль по набережной,
А мимо - старухи, бессовестные и набожные
Болтают о тех, кто отправится на рудник
И шепчут, актерствуя "Господи, сохрани!"
Прекрасно стоять перед смертью с идеей в горле,
Подняв не на битву, так на уши целый город.
Герои мертвы теперь, вечно прекрасны лица
Героев, а каждый оставшийся жить - убийца.

Когда я пришла - заколачивали ворота.
Так, алым огнем, не способным зажечь хоть что-то
Срывается с ветки голодный с утра снегирь.

Нет, все-таки я не уеду с тобой в Сибирь.

Не писать о себе. Не выдумывать новых правил.
 Говорить о любви только так, как апостол Павел.
 И смотреть раскрывая глаза шире рта. Не менее
 широко, чем Ладога тянет гладь.
 Совершенно, до онемения.

Заставлять себя вслушаться в музыку, волны, войны,
 Подавляя желание встать и сказать - "Довольно!",
 Ибо все, что ты слышишь - в кино, в полицейской рации -
 Это все - про тебя с бесконечностью вариаций.

Ты приходишь домой. Добираешься до дивана.
 И ложишься Уральским хребтом вдоль меридиана.
 Но, оставившись в зеркало, темное, как стальное, -
 Видишь все остальное.

И все же навеки сердце утрюмо.
 И я бы стонала в светлице, но
 Там света не больше, чем в тесном трюме,
 В котором ты плыл на встрече со мной.
 Я снова все деньги спустила нищим,
 Игравшим на рыжих гитарах джаз,
 Когда поняла, что трамвай уж слышен,
 И денег никто на билет не даст.
 Поздно. Я там, на скамейке слева,
 Внизу бесстрастно сереет Рейн,
 А там на площади Королеве,
 Срывали голову, как репей.
 Рядом со мною плевался Лютер,
 Сотни листков он, разбив стекло
 Выкинул в красные, словно клюква
 Толпы гвардейцев под Ватерлоо.
 Черный кондуктор схватил за платье,
 Телом - монах, а лицом - зверье.
 Чем я могу заплатить? Чем платят
 Здесь? Только имя в цене твое.
 Тысячи раз я слыхала громы.
 Тысячи раз я тебя звала -
 Над Амазонкой, над дымной Соммой.
 Может быть так, что я умерла?

Где же мой голос? Его не слышал
Мертвый под Лютценом серый швед.
Я опускалась во тьму, но вышла
В зоологический сад планет.

Нет, не служите теперь молебнов!
Я поняла там, в дыму времен:
Небу над нами все параллельно.
Не останавливайте вагон!

В мире есть вещи сильнее рока,
Люди, однако, верней вещей.
А обрету тебя за порогом -
Тонушем в диком хмельном плюще.

И там, где ветер от моря сладок,
Кто-то, не видевший прежде тьмы,
Вскочит в слезах на подножку ада,
Будет болеть и любить как мы.

Я знаю много таких сюжетов -
Страшнее сказок, легенд, примет.
Мои герои уходят в лету,
Но оставляют кровавый след.

А впрочем, утро стрелецкой казни
Светло и ясно, и щебет птах
Не возвещает. Трещат напрасно.
И пахнет лесом от свежих плах.

Да, красота не проходит мимо,
И ей, конечно же, все простят.
Над Бухенвальдом комочки дыма
Летят, похожие на котят.

Мои герои не знают правил,
Сюжетных правил. Таких простых.
Клеймит невинных нервозный Павел,
А я не знаю, за что простить.

И не выдерживают основы.
И выбирают всегда не тех.
Мои герои не держат слова
И убивают своих детей.

Там не списать на огрехи следствия -
Ты знал что делал, не заливай!
Так ошибаются только в детстве, я
Плачу так, что бурлит Нева.

Ведь я люблю их, моих героев.
За то, что ведают, что творят,
За то, что там, над извечным морем
Им райской двери не отворят,
 За то, что лица их некрасивы,
 И им присущ глуповатый вид.
 Мои герои

Все

Были живы.

А значит - стоят моей любви.

Мы были вместе, когда еще не родился мир,
Он не решался, в сомненьях маялся на развилке.
И души наши, давно изношенные до дыр
Уже привыкли.

Мы были вместе. Друг к другу лезли через заборы,
Не замечая любой забор и любой запрет.
И знали точно, что лучше гор - это только горы,
Которых нет.

Такую связь ничего на свете не разорвет.
И даже если кого из нас разнесет снарядам,
Один прошепчет другому громко и не соврет:
"Я буду рядом".

И каждый раз, задаваясь сутью таких вещей,
Я понимаю весь беспросвет моего провала:
Мы были б вместе, когда бы даже тебя вообще
Не существовало.

И в нас исчерпано все молчанье, все разговоры.
Мы стали выше, чем Ветхий, Новый... любой Завет.
Мы сами стали с тобой, как горы. Такие горы,
Которых нет.

